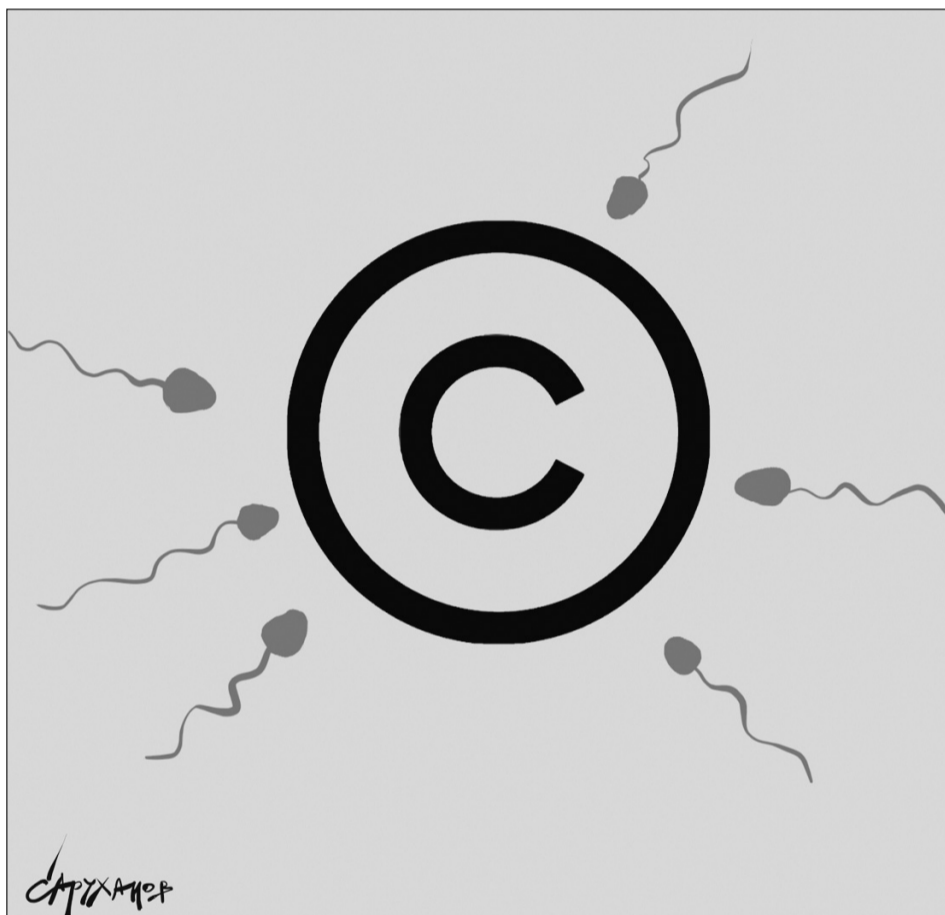

С копирайтом-приветом

ЕС принял новые ограничения в сфере авторского права. Против кого?

ПЕТР САРУХАНОВ — «НОВАЯ»

Борьба Евросоюза с новой цифровой реальностью переживает вторую волну пароксизма: после майского обострения, отлившегося в Регламент «О защите физических лиц в отношении обработки персональных данных», подошла очередь улучшать копирайт.

Как и все в Евросоюзе (в отличие от скоропалительного нормотворчества в отечестве), новый закон о копирайте (Copyright in the Digital Single Market) продвигается неспешно и обстоятельно: в мае 2015 года созрела потребность в выработке «единой стратегии на цифровом рынке», в декабре 2015-го Европейская комиссия (исполнительная власть ЕС) выдвинула идею модернизации копирайта, и в сентябре 2016-го представила проект нового закона; 5 июля 2018 года на пленарном заседании Европарламента закон благополучно завернули (якобы под давлением общественных протестов), а затем (якобы под давлением лоббистов-сторонников) 12 сентября 2018-го директиву утвердили, причем с убедительным перевесом голосов.

Текущая стадия: ведутся переговоры «за закрытыми дверями» между Европарламентом и Советом Европы (высшим политическим органом ЕС). Итоговое голосование назначено на 29 января 2019 года.

Прогрессивная мировая общественность называет принятый закон не иначе как катастрофическим, однако утешает себя, что еще не все потеряно, до окончательного голосования остается время и можно что-то изменить.

Достаточно, однако, посмотреть на расклад поддержки закона о копирайте в правительствах стран — членов ЕС, чтобы рассеять иллюзии: новый закон поддерживают все страны, в том числе и Великобритания. Единственное исключение, да и то условное, — Бельгия, которая тоже поддерживает, однако ругает за улучшение формулировок двух самых одиозных статей закона: 11 и 13.

В партиях, представленных в Европарламенте, безоговорочно поддерживают новый копирайт консерваторы (European People's Party Group) и социал-демократы; преимущественно поддерживают евроскептики и крайне правые; выступают против зеленые, популисты, левые и либералы.

Всех оппонентов вместе взятых меньше, чем одних только консерваторов, поэтому можно не сомневаться — новый закон ЕС о копирайте в январе 2019 года примут обязательно.

Изначально Европейская комиссия объясняла потребность в обновлении закона о копирайте «новыми возможностями для доступа к защищенным копирайтом материалам», которые возникли из-за развития «цифровых технологий».

Первые сомнения в искренности намерений возникают из-за их анахронизма: вроде как «новые возможности», равно как и «цифровые технологии», читай — интернет, возникли более 20 лет назад. Куда же все эти годы смотрел Евросоюз?

Для меня очевидно, что «новые цифровые технологии», тем более упавшее с неба «использование материалов в нарушение границ» (cross-border uses) — разговор для бедных. Эти ничего не значащие термины в законопроекте Европейской комиссии изначально камуфлировали «врагов», ради которых все только и затевалось.

Камуфляж, впрочем, носил сугубо куртуазный характер, потому что любой человек в теме знает, о ком и о чем идет речь. Новый закон ЕС о копирайте направлен исключительно против ГАФА.

Этой смешной аббревиатурой принято обозначать неформальное объединение капиталистических акул цифровой эпохи — интернет-гигантов Google, Apple, Facebook и Amazon. Именно эти конторы, по мысли законодателей, регулярно обкрадывают рядовых граждан Евросоюза, и именно против них направлен новый закон о копирайте.

Поскольку название вещей своими именами сильно бьет по гуманитарному пафосу законодательной инициативы, прогрессивные борцы с новым законом (да-да, я не оговорился: именно борцы, а не его лоббисты!), то ли от недомыслия, а скорее — просто во имя красоты самой борьбы за свободу интернета, методично дезинформируют общественность. Лейтмотив общественного порицания: «Новый закон ЕС о копирайте нанесет непоправимый урон нашим фундаментальным правам и свободам, нашей экономике и конкурентоспособности, нашему образованию и научно-исследовательской работе, нашим инновациям и самостоятельности, нашей креативности и нашей культуре».

Это цитата из публичного обращения, отправленного 30 ноября 2017 года в органы ЕС и подписанного 80 видными издателями, журналистами, библиотеками, научными центрами, университетами, разработчиками компьютерных программ и т.д.

На том же уровне ложной патетики выдержано и знаменитое письмо Фонда электронных рубежей. Подписанты, среди которых выделяются Тим Беренс-Ли, творец World Wide Web, и Джимми Уэйлс, отец «Википедии», выражают опасение, что новый закон уничтожит творчество народных масс на портале «Википедии», задушит платформы с открытым исходным кодом вроде GitHub, лишит шансов на будущее малый и средний бизнес, уничтожит всякую научно-исследовательскую инициативу снизу.

У противников закона есть три главных жупела: статьи 3, 11 и 13, вокруг которых,

собственно, и разворачивается противостояние.

Статья 3 (Text and Data Mining) освобождает от требований соблюдения копирайта при проведении дата-майнинга (массового сбора, переработки и анализа информации) «исследовательские организации». Поскольку под «исследовательскими организациями» понимаются «университеты, исследовательские институты, а также любые другие организации, чьей первичной целью является проведение научных исследований и предоставление образовательных услуг», критики закона ударили в лукавый набат: после принятия закона заниматься дата-майнингом не смогут ни частные лица, ни коммерческие структуры.

Такой странный вывод может посетить только мозг, выращенный в системе разрешительного правового регулирования («запрещено все то, что прямо не разрешено»), однако непонятно, какое отношение это имеет к европейскому законодательству.

Второй жупел — статья 11, известная в прессе как «налог на ссылки» (Link Tax). Вокруг этого положения обломали множество копий, особенно в русскоязычном пространстве из-за неправильного перевода слова link, который почему-то стали воспринимать как синоним адреса в интернете (URL).

Кульминация панических настроений вокруг статьи 11: законопроект, мол, противоречит фундаменту, на котором зиждется вся западная система защиты прав интеллектуальной собственности, — Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений (подписана в

1886 году, последняя редакция — в 1979 г.), которая гарантирует право на «цитирование произведения, которое уже было доведено до всеобщего сведения на законных основаниях, при условии, что оно осуществляется добросовестно и в объеме, оправданном поставленной целью, включая цитирование статей из газет и журналов в виде обзоров печати».

Несмотря на то что в законе ничего не говорится о цитировании, интенсивность публичной дискуссии вокруг потенциально возможных репрессий, вызванных статьей 11, вынудила депутатов Европарламента задуматься о введении в текст закона прямых оговорок о допустимом размере цитат, не требующих лицензирования. Вполне вероятно, дополнительные формулировки появятся в окончательном варианте закона, хотя и непонятно, зачем это делать.

Наконец, третий предмет возмущения — статья 13, прозванная в народе «фильтрами на загрузку» (Upload Filters). Именно против нее было направлено обличительное письмо Фронта электронных рубежей. Считается, что эту статью пролоббировала музыкальная индустрия Европы, а также независимые музыканты. Во всяком случае, Адель, Пласидо Доминго и Пол Маккартни (и еще 1300 музыкантов) с восторгом приветствовали грядущую эру творческой справедливости.

Статья 13 прямым текстом обязывает провайдеров публичных онлайн-шеринговых услуг отслеживать материалы, загружаемые всеми пользователями, на предмет нарушения копирайта и пресекать эти действия на корню. Иными словами, предполагается, что YouTube, Facebook, VK и проч. будут фильтровать содержание. Накладка, однако, в том, что все перечисленные порталы давно уже всё фильтруют.

Вот мы и подошли к главному. Новый закон ЕС о копирайте должен рассматриваться не столько как продукт лоббирования интересов европейских СМИ и развлекательной индустрии, сколько как новый этап противостояния Евросоюза американским интернет-гигантам, монополизировавшим цифровой рынок.

Этот вывод напрямую вытекает из того обстоятельства, что «репрессивные» статьи закона направлены исключительно против законопослушных игроков цифрового рынка (как раз таких, как ГАФА).

Закон не действует на огромной неподконтрольной территории интернета, где в контрафактном открытом доступе находится 99% аудио-, видео- и текстовых материалов, защищенных копирайтом.

Стоит ли объяснять, что цифровой андеграунд, представленный неисчислимыми торрент-трекерами, закрытыми и открытыми форумами, конференциями новостей, информационными каналами и пабликами, как благополучно игнорировал, так и продолжит игнорировать любые запреты со стороны традиционного копирайта, давно уже не соответствующего современным реалиям?

Единственный объект отчаянного юридического охвата Европы, в свое время заменявшей цифровой революции на высокомерный скепсис и, как следствие, уступившей все интернет-рынки США и Китаю, — это американские гиганты ГАФА, которых европарламентарии в очередной раз пытаются «поставить на деньги».

Подлинная трагедия нового закона ЕС о копирайте — не в воображаемых угрозах правам и свободам нетизанов, а в реальной бесперспективности поставленного счетчика. 20 лет вместо того, чтобы создавать хоть какие-то собственные конкурентоспособные альтернативы в Сети и тем самым лишать американские компании монополии, Евросоюз предпочитает бороться с этими монополиями репрессивными методами.

Сергей ГОЛУБИЦКИЙ —
специально для «Новой»